

Евгений ТИТАЕВ

Евгений Алексеевич Титаев родился в 1957 году в Семипалатинске. Работал на Семипалатинском ядерном полигоне, был журналистом областной газеты «Иртыш», научным сотрудником музея Достоевского, преподавателем поэтики в единственной в Казахстане татарской школе искусств. Пишет во многих жанрах – поэзия, проза, краеведение, драматургия. Большое внимание уделяет детской тематике. Член союзов журналистов СССР и Казахстана, союзов писателей РК и России. Автор около двух десятков книг. Его произведения помимо Казахстана печатались в России, Германии, Испании.

«УЖ БОЛЬНО ТЫ ЛАСКОВ, БРОДЯГА ФЕВРАЛЬ...»

В такую пору не писать?
Да это светопреступление!
Малютка зяблик небеса
Уже с утра отметил пением.

И даже сумрачный валун
Замшелый бок украсил бабочкой.
На нём цепочкой древних рун
Вдруг проявились строки сказочки.

И в той истории чудной,
Недорассказанной, таинственной
Плывут неспешной чередой
Часы, года, эпохи, истины.

Там песня зяблика слышна,
Тепло дыханий вековечное,
Небес умолкшая волна
И мы, причаленные к вечеру.

Гордыня и гордость – легко обмануться.
Что значимей в сонме людей?
И Холмс, что грессмейстер по части дедукций,
Не знает загадки трудней.

Он выкурит трубку, сыграет на скрипке,
Крепчайшего кофе глотнёт.
А снег за окном, удручающе липкий,
Ползёт, словно муторный гнёт.

И нет ни предела ему, ни границы,
Кругом беспросветность одна.
Гордыня умеет собою гордиться,
На то и гордыня она.

И каждый гордец этой слякотной блажью
Питает свой сплин, идиот.
А Шерлок в галошах легко и вальяжно
По утренней грязи пройдёт.

* * *

Пока Иртыш течёт, не верится в чернуху,
И ржание ещё не подменило смех.
Мы не берём в расчёт ползучую разруху,
И день наш воплощён надеждою для всех,

Кто может понимать душевную науку
Рассветного луча, закатной полосы
И видеть слово «мать» не томно-близоруко,
А бережно шепча над капелькой росы.

Ведь не бывать тому, чтоб звёзды очумело
Вспухали над землёй в бесовской кутерьме.
И мудрость за пятак не купишь, что ни делай.
Идём своей стезёй с любовью на уме.

* * *

Приходящий в кофейню становится добрым философом.
Позабыв о минутах, старается вжиться в гармонию.
Каждый чёрный глоток в тишине отзывается розовым,
Потому что так надо для личной его космогонии.

Ну а если их двое, сюда заглянувших? Случайно ли?
Два непонятых солнца абсурдность поймут одиночества.
И бисквитик на блюде, поделенный с бережным чаяньем,
Будет краше словес, откровенней любого пророчества.

Пусть я кофе не пью, но в углу засидевшись до вечера,
Проникаюсь вполне золотою горчинкой стремления.
И дымится какао трепещущим облачком вечности,
Словно птичка колибри в саду, где насущны мгновения.

* * *

Уж больно ты ласков, бродяга февраль,
Бураны твои незлобивы.
Пришёл ты из края, где вольная даль
Изнежена мглою сонливой.
Снегами обильно покрыта страна –
Просторы беспечного рынка.
И в каждой снежинке пылинка видна,
А, может быть, даже кровинка.
Светило всё выше, окно горячей.
Сосульки сродни сталактитам.
Февраль, не укрыться тебе от лучей
И стать непременно избытым.
Кровинки проснутся, окрасят ручьи.
Мы это позволить не вправе.
Февраль, ты весну нам с надеждой вручи.
Тем паче Господь всё управит.

Крик и молчание

Один поэт, крича о чести личной,
Откликнуться спешил на все явления.
Хвалил, клеймил, порой косноязычно,
Но очень зычно, как-то по-оленьи.

Так искренне ревут во время гона
Изюбры, лоси, гордые маралы.
Вот и поэт добавил к страсти стоны,
А специей – корпускулы морали.

Есть результат – прибор рукоплесканий,
Букеты, поцелуйчики, банкетты...
И взор поэта – жадный чёткий сканер –
Скользил по миру, не дрожа при этом.

А мир давно сроднился с тишиною.
Галдёж не для него, он только пена.
Прославь, поэт, лукаво-наносное.
Уж лучше так, чем рэп гонять по венам.

Шуми, поэт, свои же годы гробя.
Пороки к обличеньям стали стойки,
И вирши бекасиной мелкой дробью
От толстых шкур отскакивают бойко.

Крепчает нежить, тешась полумглою,
Но из пространств почёрканной страницы
Летит строка серебряной стрелой,
Не скрыться от неё, не уклониться.

Так было, есть и будет изначально.
Когда на ложь блажную нет управы,
Стрелок уходит в кроткое молчанье,
Ведь он на промах не имеет права.

* * *

Всемирная паутина –
Иллюзии торжество –
Уверенно и рутинно
Прельщает нас дармово.

Такая в мозгах картина,
Что глушится мир вокруг.
Но если есть паутина,
То должен быть и паук.

Он где-то сидит, скотина,
И скалит свои клыки:
«Вы сами всему причина –
И мухи, и пауки!»

Лавочка

Зоренька наладилась вечерняя,
Бабушек собрался экипаж.
Лавочка пробьётся через тернии,
Даже если тернии – мираж.

Паруса кипят не бригантинные,
Пусть вокруг вседневный полный штитель,
Бродит и мерцает над седидами
Дальних лет сноровистая пыль.

Кто-то выдаст байку для затравочки –
Самую правдивую из правд,
Дрогнув, поплывёт по фразам лавочка
В океан непуганых услад.

Там – любовь, мужья почти непыющие,
Упованья, слава и успех.
Чем бы вас ни баловало сущее,
Лавочка уравнивает всех.

Жизнь как жизнь – то слёзы,
то бравадушки...
Захоти и всё перекрой.
Честно заслужили наши бабушки
Лавочки почётные свои.

Если кто полезет к ним с насмешками,
Огребёт глагольную палубу.
Уберётся прочь дурак, не мешкая,
Коль нарушил строгое табу.

Облака белёсым разлинованы,
Завершился доблестный полёт.
На скамье, до блеска отшлифованной,
Дремлет беззаботно серый кот.

Спи, котейка, баю-баю-баюшки.
Дрыхнуть здесь – такая благодать!
Но коты, родименький, не бабушки.
Вот и не дано вам воспарять.

